

ОБСУЖДАЕМ, СПОРИМ...

Ю. В. ФОМЕНКО

Новосибирск

Что такое когнитивная лингвистика*

В статье ставится вопрос о сущности когнитивной лингвистики и ее задачах, а также рассматриваются разные точки зрения на понятие «концепт».

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика; понятие; концепт; концептосфера.*

В конце XX — начале XXI в. широкое распространение получила когнитивная наука, исследующая «познавательные (когнитивные) процессы функционирования мозга и механизмы регуляции поведения у человека и животных» [БРЭ 2009, т. 14: 398] и включающая ряд областей психологии, нейрофизиологии, антропологии, филосо-

фии, информатики, лингвистики и других наук. Когнитивная лингвистика изучает «роль языка в обработке и переработке человеческого опыта, в концептуализации и категоризации мира и его членении, в фиксации информации в языковых формах, ее хранении, извлечении из памяти и т. п.» [Там же: 397]. «Вместе с когнитивной психологией К. л. — одна из гл. наук когнитивного цикла, которые рассматривают язык как гл. когнитивную составляющую среди др. когнитивных способностей человека...» [Там же].

Основным термином когнитивной лингвистики последнего двадцатилетия стал концепт.

* См.: Сонин А. Г. Концепт как объект лингвистики: движение за границу научности // РЯШ. — 2011. — № 5. — С. 64–70.

Фоменко Юрий Викторович, доктор филол. наук, профессор Новосибирского гос. пед. ун-та. E-mail: dashafomenko@rambler.ru

Определений концепта очень много, но ни одному ученому не удалось показать, что концепт есть особое по отношению к понятию ментальное образование. Рассмотрим некоторые описания концепта.

В статье «Концептология: к становлению подхода», претендующей на статус методологической, С. Х. Ляпин пишет: «Мы исходим из следующего положения. Когда человек живет, общается, мыслит, действует в мире “понятий”, “образов”, “поведенческих стереотипов”, “ценностей”, “идей” и других тому подобных привычных феноменологических координат своего существования... одновременно на более глубоком уровне бытия он живет, общается, мыслит, действует в мире концептов, по отношению к которым традиционно понимаемые (? – Ю. Ф.) понятия, образы, поведенческие стереотипы и т. д. выступают их частными, проективными, редуцированными формами.

Последние тем самым могут быть истолкованы как вторичные и производные (и в этом смысле “менее действительные”) формообразования человеческого бытия – в – мире; как разнообразные понижения его исходной глубинной симметрии; как знаки, символы, репрезентанты соответствующих концептов» [Ляпин 1997: 11]. Как видим, С. Х. Ляпин не доказывает существование концептов, а просто констатирует их наличие: человек живет «в мире концептов». Кроме того, С. Х. Ляпин сообщает, что «понятия, образы, поведенческие стереотипы и т. д.» являются «частными, проективными, редуцированными формами концептов» (? – Ю. Ф.), их «знаками, символами, репрезентантами» (? – Ю. Ф.).

Многие обороты речи в этом тексте не поддаются расшифровке. Что такое «более глубокий уровень бытия»? Что такое «человеческое бытие – в – мире»? Может ли быть «бытие не в мире» («вне мира»)? Можно ли считать, что понятия – это «формообразования бытия»? Можно ли писать, что понятия есть разнообразные понижения исходной глубинной симметрии «бытия – в – мире»? Что такое «исходная глубинная симметрия “бытия – в – мире”»? Можно ли «понизить симметрию»? Что означает «причастность» понятия к концепту? Что такое «код концепта»? Что такое «гене-

тический и/или функциональный код»?

По мнению И. А. Стернина, концепт – это то, что мыслится «вместе» (?! – Ю. Ф.), что существует в сознании как некая отдельность (? – Ю. Ф.), обозначенная единицей универсально-предметного кода»; семема – это «часть концептуальных признаков...» [Стернин 1999: 69].

С. Г. Воркачев считает, что концепт – это «синтезирующее (? – Ю. Ф.) лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению (?! – Ю. Ф.) и включившее их в себя (? – Ю. Ф.) в “снятом”, редуцированном виде – своего рода “гипероним” [Колесов 2002: 122] последних (?! – Ю. Ф.). В качестве “законного наследника” этих семиотических категорий (?! – Ю. Ф.) лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью (?! – Ю. Ф.), принимая от понятия дискурсивность представления смысла (?! – Ю. Ф.), от образа – метафоричность и эмотивность этого (? – Ю. Ф.) представления (? – Ю. Ф.), а от значения – включенность его имени (? – Ю. Ф.) в лексическую систему языка» [Воркачев 2007: 42]. Все эти положения не выдерживают никакой критики.

Не поддаются осмыслению и «концептологические» статьи В. В. Колесова. Приведем отдельные высказывания этого автора.

Концепт – это идея, представление, внутренняя форма и т. д.; это «объем понятия»; это производящее слово; «зародыш, зернышко», из которого произрастают все содержательные формы его воплощения; «этапы развертывания смысла»; «инвариант всех возможных его “значений”, данный как отношение смысла слова к вещи»; образ, понятие, символ. «Понятие отрицает образ, но символ, в свою очередь, отрицает понятие, и вновь – в пользу образа, представляя символ как знак знака. Семантический синкретизм концепта в образе оформляется, а в понятии анализируется, в символе представая уже как единство “мысли – чувства”, и поэтому может замещать и понятие, и образ; понятийный образ, или образное понятие. Такой вид имеет «концепция» «концепта» у В. В. Колесова.

Согласно точке зрения Ю. С. Степанова, «концепт и понятие – термины раз-

ных наук» [Степанов 1997: 40]: термин *понятие*, полагает Ю. С. Степанов, употребляется главным образом в логике и философии, а термин *концепт* — в математической логике и культурологии. «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Там же]. Концепты — это понятия культуры. «...Количество их невелико, четыре — пять десятков...» [Там же: 7].

Как можно оценить эту точку зрения?

Во-первых, «концепт» — это **понятие**, что и требовалось доказать. Термины понятие и концепт различаются не содержательно, а по сфере употребления.

Во-вторых, не удовлетворяет определение концепта «как бы сгусток культуры». Если заменить эти слова их толкованиями, то мы получим следующее определение: «Концепт напоминает концентрацию производственных, общественных и духовных достижений людей». Один концепт никак не может быть концентрацией всей культуры.

В-третьих, вряд ли верно то, что термин понятие употребляется главным образом в логике и философии, а термин концепт — в математической логике и культурологии. Как показывают материалы всех толковых словарей, энциклопедий и тысяч томов научной литературы, термин понятие является практически универсальным. Его используют во всех областях знаний и в быту.

В-четвертых, как можно утверждать, что культура насчитывает всего 40–50 понятий?! Вспомним, что культура — это «все искусственно созданное, сотворенное человеком в противоположность естественному, природному» [Нов. фил. энци. 2001, т. 2: 341], это «надприродная сфера человеческого бытия» [Там же: 342]. Говорят о материальной и духовной культуре. В «концептологической» литературе уже упомянуты и так или иначе охарактеризованы сотни (если не тысячи) разнообразных концептов, среди которых преобладают понятия философии и этики.

Добавим, что на другой странице словаря Ю. С. Степанов интерпретирует термины концепт и понятие (а также значение и смысл) иначе: «...термином *концепт* называют лишь **содержание** понятия; таким образом, термин *концепт* становится синонимичным

термину *смысл*. В то время как термин *значение* становится синонимичным термину *объем понятия*. Говоря проще, *значение* слова — это тот предмет или предметы, к которым это слово правильно, в соответствии с нормами языка применимо, а *концепт* — это смысл слова» [Степанов 2001: 44]. Мы считаем, что в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990) была дана более точная трактовка терминов понятие, значение и концепт: «П. (концепт) — явление того же порядка, что и значение слова, рассматриваемое в несколько иной системе связей: значение — в системе языка, П. — в системе логич. отношений и форм, исследуемых как в яз.знании, так и в логике» [ЛЭС 1990: 384]. Сейчас обычно говорят, что значение — это вербализованное понятие.

В «Кратком словаре когнитивных терминов» мы читаем: «**Концепт**... — термин, служащий объяснению (?! — Ю.Ф.) единиц ментальных и психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры (? — Ю.Ф.), которая отражает знание (? — Ю.Ф.) и опыт человека; оперативная содержательная единица **памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга** (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кр. сл. когн. терминов 1996: 90]. Но что такое «единица ментальных или психических ресурсов (разве ментальный и психический не дублируют друг друга? — Ю.Ф.) нашего сознания (слово «ресурсы» лишнее. — Ю.Ф.) и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» (знание само есть отражение!)? Это понятие! Если единица сознания — понятие, то концепт — «термин, служащий объяснению» понятия. Разве новый, непривычный термин может объяснить старый, традиционный, привычный и понятный? Он как раз сам нуждается в объяснении. Кроме того, термин объясняют с помощью дефиниции — развернутого определения (описания денотата).

Слабость концептологических построений осознают и сами ученые. Например, М. В. Пименова и О. Н. Кондратьева вынуждены признать: «...до сих пор отсутствует однозначное толкование термина **концепт**, существует значительное количество дискуссионных вопросов,

связанных с теорией концептов: о статусе концепта, его структуре, особенностях вербализации, соотношении концепта и понятия, концепта и значения, а также о типологии концептов... существует ли концепт для любого слова» [Пименова, Кондратьева 2011: 92]. «...В современной когнитивной лингвистике, — продолжают З. Д. Попова и И. А. Стернин, — наблюдаются многочисленные противоречивые подходы, большой разброс в понимании основных терминов, недостаточная определенность в самом предмете когнитивной лингвистики, неясность в методах и т. д.» [Попова, Стернин 2003: 4]. В. А. Виноградов пишет: «...есть... в триумфальном шествии концептуалистики тревожные ноты: круг концептуального анализа постоянно расширяется, охватывая целые тематические разряды лексики, т. е. количество концептов растет геометрически. И невольно возникает опасение, что тем самым размывается грань между концептуальным анализом и собственно лексикологией (и ономастикой? — Ю. Ф.). Может быть, для лексикологии быть пропущенной через когнитивное осмысление означает повышение ее научного ранга, но для концептуального анализа это определенно девальвация. Будучи растворен в лексикологии, он теряет значимость особого когнитивного подхода к реконструкции культурных смыслов, ибо не может концептосфера культуры состоять из двухсот тысяч компонентов. Концепт — единица более емкая, чем лексема, и концептологический анализ ориентирован на культуру, тогда как лексикологический — на язык» [Виноградов 2007: 5–6].

Продолжая мысль В. А. Виноградова о девальвации концептуалистики, И. К. Архипов говорит: «Действительно, ее девальвация проявляется в том, что от западных границ России до восточных на всех уровнях — от студенческого до академического — звучит один и тот же мотив: концепт (имярек) в языке (имярек) в период (имярек) или истории языка.

А результат? Он сводится в общем случае к тому, что собственно лингвистическая часть исследования оказывается на поверку анализом лексических и прочих языковых средств, выражающих содержание, выводимое из мозаики соответствующих значений слов,

использованных для объяснений. Работы, как правило, завершаются довольно банальными констатациями того, что каждому содержанию — свой набор средств выражения. Незамысловатость цели и простота исполнения приводят к положению в данной области нашей науки, которое директор Института языкознания РАН В. А. Виноградов в своем выступлении на Круглом столе по когнитологии в ноябре 2006 г. справедливо охарактеризовал как «щелканье семечек» [Архипов 2007: 33].

Когнитивная лингвистика должна изучать не концептосферу народа, не всю совокупность накопленных обществом знаний, не «знания о мире и человеке... [не] процессы концептуализации действительности, механизмы формирования концептуальной картины мира...» [БРЭ Т. 14. 2009: 398], а роль языка «в обработке... человеческого опыта ... в фиксации информации в языковых формах...» [Там же], в обслуживании потребностей мышления. «Когнитология — философско-психологическая, а не лингвистическая наука». «...лингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика вносят свой существенный вклад в изучение концептов национального сознания... но не имеют концепты предметом своей науки», — писал И. А. Стернин [Стернин 2000: 240]. Лингвистика не должна подменять собой психологию и философию, а также другие гуманитарные и естественные науки, претендовать на статус «всеобщей гуманитарной науки» (Ю. С. Степанов), тем более — сверхнауки.

Растет число лингвистов, понимающих всю уязвимость построений современных когнитивных лингвистов. А. Г. Сонин назвал статью, посвященную критике когнитивной лингвистики, «Концепт как объект лингвистики: движение за границу научности» [Сонин, 2011]. В современной лингвистике, говорит он, резко «снизилась значимость таких базовых атрибутов научного освоения мира, как объективность и рациональность». В центре современной когнитивной лингвистики оказываются не поддающиеся наблюдению и экспериментальной проверке «гипотетические ментальные структуры» (концепты), «выдумывание» которых «становится основным направлением деятельности». Свои положения когнитивисты не подтверждают ни фак-

тами, ни экспериментами, довольствуясь интроспекцией и интуицией. Интуиция, однако, не может «дать четкий ответ на вопрос о содержании и границах отдельного концепта, выступающего для лингвистов-когнитологов содержанием языковой единицы». «Концепт оказывается внутренне неисчерпаемым объектом, что дискредитирует такую модель, как научный конструкт, поддающийся фальсификации...» «Отсюда неиссякаемый поток различных исследований (включая диссертационные сочинения), в которых через анализ языкового материала изучаются так называемые фрагменты концептосферы человека». «...вопрос об истинности решается не экспериментом, а административным ресурсом и искусством ведения PR-активности». Сопоставление современной когнитивной лингвистики с классическим языкознанием «дает все основания говорить о закате лингвистики как науки... и ее замене специфической риторикой, в которой преобладают «мнения и верования»».

Ю. А. Сорокин задает вопрос: «Надежен ли теоретический багаж когнитивной лингвистики?» [Сорокин 2003: 292]. И отвечает: нет! «Первая неясность связана с предметом изучения...» «Вторая неясность связана с расплывчатостью и сущностным соотношением таких опорных точек теоретического отсчета, как концепт, фрейм, сценарий, скрипт, план и т. д. Но особенно непрозрачно истолкование понятия схемы...» «Не лучшим образом обстоит дело с соотношением *прототипа* и *концепта*, *концепта* и *категоризации*, *категории* и *образа*». «Третья неясность связана с неразличением когнитивистами видов понимания — семантизирующего, когнитивного и распределительного...»

Таким образом, современная когнитивная лингвистика до сих пор не смогла охарактеризовать свой предмет, цели и задачи, методы анализа. Ее базовый термин — концепт. Однако когнитивисты до сих пор не дали точное, конкретное, научное толкование этого понятия. Многочисленные описания «концепта» невразумительны и не поддаются расшифровке. Чаще всего концептологи характеризуют концепт как единицу мышления, квант информации. Но квант информации всегда обозначался и обозначается термином понятие. Этот традиционный общенаучный термин должен быть

сохранен. А термин концепт может использоваться как его синоним.

Глубоко ошибочной, перечеркивающей все традиционные представления, является точка зрения концептологов, полагающих, что концепты вербализуются не только с помощью слов и фразеологических оборотов, но и с помощью «свободных словосочетаний», «структурных и позиционных (? — Ю. Ф.) схем предложений, «поговорок, поговорок, афоризмов», «ассоциативных полей слов», «текстов и совокупности текстов» (!?! — Ю. Ф.). Средство вербализации понятия должно быть стационарной, воспроизводимой номинативной единицей языка.

Не выдерживают никакой критики многочисленные и не стыкующиеся между собой «типологии» концептов.

Концептологи относят к компетенции когнитивной лингвистики все концепты (понятия) культуры (а М. В. Пименова и О. Н. Кондратьева — еще и «метеорологические», «биологические», «ландшафтные» и «предметные» концепты). Но если мы будем помнить, что культура — это «все искусственно созданное, сотворенное человеком в противоположность естественному, природному», что материальная культура охватывает «всю сферу материальной деятельности и ее результаты», а духовная культура — «сферу сознания, духовного производства (познание, нравственность, воспитание и просвещение, включая право, философию, этику, эстетику, науку, искусство, литературу, мифологию, религию)», то мы поймем, что концептологи относят к компетенции когнитивной лингвистики все содержание человеческого сознания, всю концептосферу общества, т. е. — фактически — предлагают считать когнитивную лингвистику универсальной наукой, единой наукой о природе, обществе и человеке. Согласиться с этим невозможно. «...Главной задачей КЛ по-прежнему остается определение тайны и природы **значения**...», — пишет Е. С. Кубрякова [2006: 31]. В составном термине когнитивная лингвистика главный компонент все же лингвистика, а основной объект когнитивной лингвистики — язык и его единицы. Когнитивная лингвистика не нуждается в термине концепт. Она вполне может «обойтись» традиционным, общенаучным, исконным, всем из-

вестным термином понятие. А термин концепт использовать как его синоним.

«Когнитивная лингвистика, — пишет С. Г. Шулежкова, — до сих пор не может быть признана наукой с четкой терминологией, ясно очерченным предметом исследования и адекватным методом анализа своего неоднозначно трактуемого объекта. Отсюда постоянная путаница между понятиями концептосфера и языковая система, концепт и значение слова, с одной стороны; и отсюда смешение когнитивнолингвистических и психолингвистических, когнитивнолингвистических и социолингвистических (а также лингвокультурологических и этнолингвистических) явлений. Для того чтобы это чрезвычайно модное, привлекательное для множества, особенно молодых, ученых лингвистическое направление выдержало испытание временем, оно должно «самоопределиться»: установить границы собственно лингвистики внутри когнитологии, уточнить свои основные понятия, сузить и конкретизировать предмет исследования, выработать адекватные своему объекту процедурные приемы анализа, «выяснить отношения» с психолингвистикой, лингвокультурологией, этнолингвистикой, функциональной лингвистикой и другими смежными науками» [Шулежкова 2006: 380].

ЛИТЕРАТУРА

Архипов И. К. Природа концепта и методы его изучения // Концептуальный анализ языка: соврем. направления исследования: сб. научн. трудов. — М.; Калуга, 2007.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. — Воронеж, 1996.

Большая российская энциклопедия: в 30 т. — М., 2009.

Виноградов В. А. Вступительное слово при открытии круглого стола «Концептуальный анализ языка: соврем. направления исследования» // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. научн. трудов. — М.; Калуга, 2007.

Воркачев С. Г. От лингвоконцептологии к лингвоидеологии: поиски метода // Vita in lingua: К юбилею профессора С. Г. Воркачева: сб. статей. — Краснодар, 2007.

Колесов В. В. Концепт культуры: об-

раз — понятие — символ // Вестник СПбГУ. Сер. 2. — 1992. — Вып. 3 (16).

Колесов В. В. Ментальная характеристика слова в лексикологических трудах В. В. Виноградова // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. — 1995. — № 3.

Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет: Сб. научных трудов. — Петрозаводск, 1995.

Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996.

Кубрякова Е. С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. — Тамбов, 2006.

Ляпин С. X. Концептология: к становлению подхода // Концепты: научные труды Центроконцепта. — Вып. 1. — Архангельск, 1997.

Новая российская энциклопедия: в 12 т. — М., 2011. — Т. 8.

Новая философская энциклопедия: в 4 т. — М., 2001. — Т. 2.

Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие. — М., 2011.

Попова З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание: учеб. пособие. — М., 2007.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. — Воронеж, 2003.

Сорокин Ю. А. Две дискуссионные реплики по поводу когнитивного «бума» // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. — Волгоград, 2003. — Ч. 1.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. — М., 2001.

Степанов Ю. С. Понятие // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.

Стернин И. А. Концепт и языковая семантика // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. — Тамбов, 1999.

Стернин И. А. Концепты — предмет исследования какой науки? // Языковое сознание. Содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 1–3 июня 2000 г. — М., 2000.

Шулежкова С. Г. История лингвистических учений: учеб. пособие. — М., 2006.